

Учебные занятия устраивали перерыв раз в полмесяца, и Жун Цзянь наконец дождался выходного.

Не нужно было учиться, не нужно было притворяться, не нужно было делать вид, что он все знает. Жун Цзянь счастливо проспал до полудня, даже не желая вставать с постели, в основном из-за лени надевать сложные наряды.

Но неожиданно в начале девятого часа тетушка Чэнь прибыла с указом вдовствующей императрицы, сообщив, что ее величество велела ему явиться для приветствия.

Каникулы закончились.

Тетушка Чжоу срочно привела Жун Цзянь в порядок и отправила его во Дворец Цынин, но внутрь его не пустили.

Жун Цзянь один вошел во Дворец Цынин.

Тетушка Чэнь открыла тяжелую дверь, и Жун Цзянь последовал за ней внутрь.

В отличие от Дворца Чанлэ, Дворец Цынин был более простым и изысканным, даже оконные рамы были сделаны из сандалового дерева, с искусно вырезанными буддийскими изречениями.

Вдовствующая императрица уже много лет исповедовала буддизм.

В зале витал аромат благовоний, но их было слишком много, и они стали раздражать.

Жун Цзянь сдержал желание кашлять и сел на стул.

Вскоре из глубины покоев донеслись несколько шагов, а затем звук усаживания.

Жун Цзянь встал и поклонился вдовствующей императрице.

Голос императрицы раздался сверху:

— Садись.

Вдовствующей императрице было уже около шестидесяти, ее виски были седыми, морщины тянулись от щек до шеи, но она все еще носила полный набор украшений. Она не улыбалась, лишь спросила серьезным тоном:

— Ты становишься старше, пора перестать баловаться чтением пустых книг и общаться с разными сомнительными людьми.

Здесь она сделала паузу и продолжила:

— У меня есть внучатый племянник, который скоро прибудет в Шанцзин для поздравления с днем рождения. Он примерно твоего возраста, его характер и внешность, конечно, не вызывают сомнений. Когда он приедет, вам стоит провести время вместе.

Намек вдовствующей императрицы был очевиден: принцесса выросла, и настало время выходить замуж. Если ее ребенок станет следующим императором, то отец этого ребенка должен быть из ее крови, под ее контролем.

Улыбка Жун Цзянь застыла. Если цена за отсутствие учебы — это сватовство, он предпочел бы

учиться, он любил учебу.

Он опустил голову и неуверенно сказал:

— Бабушка совершенно права. Но занятия в Покоях Нинши были установлены как правило еще при жизни дедушки. Члены императорской семьи должны подавать пример, и я не смею нарушать это.

Вдовствующая императрица холодно фыркнула, явно не соглашаясь, но и не могла сказать больше. Ей также надоело разговаривать с Жун Цзянь:

— Если у принцессы такое благочестие, перепиши сегодня для меня сутру.

Это был обычный способ вдовствующей императрицы наказывать людей.

Жун Цзянь сказал:

— Слушаюсь, бабушка.

Вдовствующая императрица махнула рукой, и тетушка Чэнь повела Жун Цзянь в соседний зал, где у окна уже были подготовлены кисти, тушь и бумага.

Рядом лежала тонкая копия сутры «Алмазная сутра», которая, как утверждалось, была благословлена мастером.

Она была тонкой, но если писать ее сложными иероглифами мелким почерком, это могло стать пыткой.

Жун Цзянь: Спасите...

Лучше положиться на себя, чем на других.

Согласно воспоминаниям прежнего «я», чем быстрее он закончит, тем быстрее уйдет. Если не закончит, вдовствующая императрица максимум продержит его до полуночи, перед тем как лечь спать.

Раз уж не получится закончить, можно и расслабиться.

Жун Цзянь не собирался слишком мучить себя. Он писал несколько иероглифов, затем отдыхал, не торопясь, сосредоточившись на качестве, а не на скорости. За день он написал немало, но до завершения было еще далеко.

Наконец, через час после зажжения ламп, тетушка Чэнь повела его с сутрой к вдовствующей императрице для доклада.

Прежде чем императрица успела спросить, Жун Цзянь сделал вид, что искренне:

— Я писал каждый иероглиф, благодаря бодхисаттву за милость бабушки, поэтому писал так медленно.

Как Жун Цзянь не мог спорить с вдовствующей императрицей, так и она не могла с ним сделать ничего серьезного, поэтому отпустила его.

Жун Цзянь, сражаясь с вдовствующей императрицей, пережил физические и моральные

испытания и был смертельно уставшим. Он отказался от «доброе» предложения тетушки Чэнь проводить его и, наконец, вышел из Дворца Цынин в полном изнеможении.

Фонари снаружи были погашены. Вдовствующая императрица, будучи пожилой, часто просыпалась ночью от снов, поэтому в окружающих дворцах нельзя было зажигать свет после ее отхода ко сну, не говоря уже о здесь.

Жун Цзянь растерялся. Вокруг, казалось, никого не было, и он не знал дороги. Как ему вернуться?

Тетушка Чжоу была занята множеством дел и не могла ждать его весь день, но кто-то должен был остаться для него.

— Ваше высочество.

Жун Цзянь услышал, как кто-то неясно позвал его, и, словно ухватившись за соломинку, обернулся. В темноте медленно появилась фигура. Из-за недостатка питания у Жун Цзянь была сильная ночная слепота, и только когда человек приблизился, он смог разглядеть его лицо при свете луны.

Это был Мин Е.

В одной руке он держал незажженный фонарь, смотрел на Жун Цзянь и тихо сказал:

— Ночь темна, дорога скользкая. Пожалуйста, держитесь за мой рукав.

Рукав его офицерского халата был затянут, но Мин Е развязал тесьму, и рукав распустился.

Жун Цзянь неуверенно протянул руку, но в спешке случайно коснулся ладони Мин Е.

Она была холодной.

Как будто он ждал долго.

Жун Цзянь быстро отпустил и снова схватился за правильное место, но невольно задумался.

Снаружи было темно, и только выйдя из окрестностей Дворца Цынин, можно было зажечь фонарь.

Жун Цзянь не был уверен в себе и, колеблясь, все же схватился за рукав Мин Е.

Он плохо видел дорогу, шел в темноте, как слепой, и невольно боялся упасть, крепко держась за единственную опору. Хотя между ними не было физического контакта, казалось, что половина его веса легла на этого человека.

Но шаги Мин Е были уверенными, и Жун Цзянь чувствовал себя в безопасности.

Пробираясь через тропинку в лесу, Жун Цзянь наконец увидел несколько зажженных фонарей и резко отпустил рукав. Мин Е впереди остановился.

Он повернулся, посмотрел на Жун Цзянь, поднял то, что держал в другой руке, и достал красную деревянную шкатулку, в которой оказались сладкие рисовые шарики с коричневым сахаром и цветами османтуса.

Мин Е спросил:

— Ваше высочество, хотите поесть?

Жун Цзянь замер. Его персонаж предпочитал легкую пищу, не ел сладкого и мяса, поэтому логически он должен был отказаться.

Но проведя весь день в Дворце Цынин, где соблюдали строгую диету, и съев лишь несколько кусочков вегетарианской еды, Жун Цзянь был голоден и не мог отказаться от такого калорийного угощения.

Он приблизился, глаза его светились ожиданием, и он мягко сказал:

— Хочу.

И с удовольствием принялся за еду.

Мин Е держал в другой руке зажженный фонарь.

Жун Цзянь съел один шарик, затем еще один. Он был очень голоден, и у него редко была возможность наесться досыта. Хотя он знал, что нужно следить за своими манерами и не есть слишком быстро, он все же быстро уничтожал один шарик за другим.

Когда он немного успокоился, Жун Цзянь, глядя на Мин Е с фонарем, почувствовал, что ест за чужой счет.

Он не был уроженцем древности, и даже притеснять других у него получалось не очень хорошо, не говоря уже о том, что Мин Е много помогал.

Жун Цзянь смущенно сказал:

— Я понесу фонарь.

Мин Е не отказал и передал ему фонарь.

Жун Цзянь взял фонарь и поднял его перед собой. Они стояли недалеко друг от друга, и Жун Цзянь увидел лицо Мин Е в свете пламени.

Мин Е внезапно спросил:

— Почему ваше высочество приказали секретарю Се наказать тех людей?

Жун Цзянь:

— А?

Он медленно моргнул, словно еще не понял, что происходит. Шарик, который он только что откусил, еще не был проглочен, и левая щека слегка вздулась, что выглядело глупо и мило.

Сердце Жун Цзянь забилось быстрее, он не понимал, как Мин Е связал эти два события, и это казалось невероятным. Но признаваться он не собирался, никогда.

Даже при поимке преступника нужны доказательства.

Жун Цзянь притворился глупым:

— Какие люди? Какой секретарь Се? Дела стражи мне не известны.

Мин Е, казалось, не был обманут из-за разницы в статусе. Его выражение лица было спокойным:

— Ваше высочество, это легко догадаться.

Жун Цзянь хотел спросить, как это легко догадаться, ведь он думал, что действовал скрытно и тщательно.

Мин Е медленно и обстоятельно указал на недостатки в плане Жун Цзянь, который тот считал безупречным.

— Накануне инцидента большинство из них находилось на дежурстве возле Покоев Нинши.

— Нет официального приказа о наказании, большинство лишь лишились жалования.

— Секретарь Се специально предупредил подчиненных, чтобы больше не раздражали ваше высочество.

Даже если бы Мин Е не видел ту сцену, он легко бы догадался по поведению этих людей.

Авторское примечание:

Цзяньцзянь: Отказываюсь от уродования, злодеи должны умереть; я люблю учебу, отказываюсь от сватовства, нет.

<http://bllate.org/book/16310/1471399>